

Михаил ШАХНАЗАРОВ

СЛЕВА МОЛОТ, СПРАВА СЕРП

Роман
о нашем
общем
прошлом

Книга —
финалист премии
Золотая рыбка

Михаил Шахназаров

Слева молот, справа серп

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8220747
Шахназаров Михаил Слева молот, справа серп: АСТ; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-080196-1*

Аннотация

Ностальгический, полный приключений и безумно смешной роман о нашем общем прошлом.

Эта книга – для тех, кто родился и вырос в СССР, а также для тех, кто уже не застал те времена, но очень хочет знать, как тогда жилось в стране на самом деле.

Время и место действия: середина восьмидесятых, одна из союзных республик. Вода «Боржоми», валютный магазин «Березка», дефицитные импортные сапоги, случайно «выброшенные» в сельпо, и рестораны, в которые можно попасть без очереди только по знакомству, поездки в колхоз всем трудовым коллективом... В общем, всё то, что мы и рады бы забыть, но с таким удовольствием вспоминаем, собравшись за рюмкой чая.

Михаил Шахназаров

Слева молот, справа серп

(Сюжет романа основан на реальных событиях.)

© Михаил Шахназаров, текст, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Андрей водил карандашом по тетрадному листку, старательно вырисовывая женскую грудь. Изобразить цельную фигуру Марьин пробовал, но графитовые дамы получались до безобразия сюрреалистичны. Груды удавались лучше. Даже в состоянии жутчайшего похмелья. Андрей справлял свое тридцатилетие всю рабочую неделю. Многие поражались, как этот худощавый блондин среднего роста вмещает в себя столь внушительные объемы спиртного. Коллеги интересовались секретом удивительной стойкости. Марьин говорил о сибирских корнях и необходимости в регулярных тренировках организма.

У окна на ветхом стуле покачивался Роман Хузин – высокий, хорошо сложенный голубоглазый брюнет с заостренными чертами лица и ямочкой на волевом подбородке. Внимательно наблюдая за полетом жирной мухи зеленоватого перламутра, он с ленцой обмахивался газетой. Сделав несколько кругов над гипсовым бюстом Ленина, животное приземлилось на лысину Ильича и принялось сучить мохнатыми лапками. Рома медленно сложил второе свежий номер «Молодежки». Удар вышел хлестким и метким. Марьин вздрогнул, сломал карандаш и, состроив гримасу неудовольствия, покосился на друга. На лбу статуи проявилась выпуклая клякса черного ливера. Газета полетела в мусорник.

– Глянь, Андрюша! – Хузин с гордостью развернул бюст лицом к Андрею. – Это тебе не сиськи корявые попусту малевать. Вот оно – искусство! Композиция называется «Муха Ильича». Смотри, Владимир моментально стал выглядеть живее. Живее всех живых... А то чересчур он унылый какой-то, – вздохнул Рома. – Чересчур он белый и правильный. А еще говорят, что мухи – безмозглые паразиты. Умные они. Знают места правильной посадки. Мусор, дерьмо, сласти и прочие отходы жизнедеятельности.

– Рома, вытри, а... Вытри плешь возлюбленного Инессы Арманд. Это же сразу две статьи УК. Печатным органом ЦК ЛКСМ Латвии ты испохабил башку тотема мерзким паразитом. Сейчас заглянет какой-нибудь сексот, и у нас будут проблемы. Вытри, Ромочка.

– Времена другие, Андрюша. Оттепель на дворе.

– Временно это все. Сегодня оттепель, а завтра – снова лютые морозы. Закрутят гайки и любым поступком в нос ткнут.

Говорил Марьин тяжело, с расстановкой. Несмотря на регулярные тренировки организма, похмелье он переносил тяжело. Виновата была привычка мешать с водкой все – от пива до ликера «Мока». Андрею принадлежало такое изобретение, как коктейль «Карабас». По его словам, «белая», смешанная с лимонадом «Буратино», усиливала скорость впитывания алкоголя в кровь.

– А может, это была паразитка, Андрей? И пыталась отложить личинки на гипсовый череп вождя. Но я предотвратил злостное надругательство. Спас лысого от мушиного гнездовья. От выводка, который бы окончательно засрал лоб вечно живого, – продолжал актерствовать Рома.

Тяжело вздохнув, Хузин смачно плюнул на полусферу и протер скульптуру скомканным листом бумаги.

– Рома, давай начнем писать про лососей. Про благородных и полезных высшему обществу рыб. Главный уже начинает злиться. Я понимаю, что тебе херово... понимаю. Мне самому невольно.

– Когда творцу невмоготу, он просто обязан не писать. Что сказал Толстой? Не можешь не писать – не пиши! А что ты сейчас чувствуешь, Андрюша?

– Я чувствую, как в моей голове совокупляется пчелиный улей. Вернее, два. По одному в каждом полушарии. У меня в башке пасака, Рома. Пчелиная оргия у меня в черепе. Я, в отличие от тебя, даже муху прибить не в состоянии. А ты все шутишь. Все потому, что в твоей башке ферментов, расщепляющих алкоголь, осталось больше, нежели в моей. Если бы можно было купить эти ферменты, – мечтательно выговорил Марьин, – я бы закачал их себе в мозг и бросил пить. Давай хоть подзаголовок сочиним про лососей. Ром, ну пожалуйста...

– Улей в твоей башке жил всегда. Даже в период младенчества. Твоя мама всегда упоминает, каким ты умненьким мальчиком рос. И до сих пор ошибочно считает, что рос ты всем на радость. А знаешь, почему в твоей голове всегда был улей? Я отвечу. У тебя не мозги, Андрюша, у тебя настоящие медовые соты. Прими как искренний комплимент. Ты родился пухленьким, голосистым, розовожопым и до безграничности толковым. И с каждым годом сот становилось все больше и больше.

– Рома, заткнись...

– Нет, я продолжу. Твоя голова начала пухнуть от этих бесчисленных ячеек, и ты полюбил спиртное. Не сразу, конечно. Не как чукча с первого глотка, с дебютной рюмахи. Но полюбил сильно, отчаянно. И стоит заметить, во благо профессии. Подшофе у тебя мысли и строки намного удачнее. Просто сейчас в твоих полушариях начинает бродить древний напиток русичей «медовуха». Уже к вечеру мы плеснем на твои мозговые соты новой закваски. Они зашипят идеями, мыслями, новыми фразеологическими оборотами. По ценности я бы сравнил твои мозги с прополисом. Только, ради бога, не обижайся.

– Рома, умоляю! Хватит паясничать! Давай начнем писать. Не о розовожопых младенцах, сотах, улье, а о красной рыбе, о лососе. И потом... Не нужно сравнивать мои мозги с прополисом. Прополис – это пчелиный кал.

Скрестив ладони на затылке, Рома вновь принялся качаться на поскрипывающем стуле. Кабинет наполнился треском и жужжанием. В окно влетела «соплеменница» погибшей. Через пару минут Хузин с выражением прочел:

У лосей сосет лосось,
У лосося лоси,
Под сосной сосет Евсей
У грудастой Зоси!

– А что... Неплохое вступление. Отнеси главному, и мы докажем, что в СССР тоже есть безработица. Добавь капельку диссидентского – нас вышлют.

– Можно и диссидентского добавить, Андрюша. Например, так:

Все сосут, и мы сосем, не подозревая,
Как заботится о нас партия родная.

– Может, хватит, а?! Ты ведь историю про Сашу Томилаца знаешь?

– Как он на спор хотел янтарной струей в ствол пушки, что у памятника красным латышским стрелкам, попасть?

– Нет. Это другая история. Я про то, как он вьетнамской студентке стишок про «слева молот, справа серп» рассказал, а потом склонял ее к сношению в туалете кафе «Верблюды». Ну и где сейчас Александр?

– Ну и где сейчас Александр? – передразнил Рома.

– В психушке, Рома, он сейчас. В самом что ни на есть настоящем дурдоме.

– Слушай, там за Сашей место с детства еще забронировано. Ему пятнадцать лет было, а он в скворечники крысиный яд подсыпал. Это же каким дегенератом нужно быть?! Воровал мышьяк, приставлял к дереву лестницу и сыпал бедным птичкам это смертоубийство. А как его поймали, кретина?! Он со стремянки во время очередной акции навернулся. Ногу и ключицу сломал. Жаль, не голову. А в руке у него пакетик с ядом нашли. Когда начали выяснять причины, по которым он птиц изводил, Саша ответил, что все скворечники уже давно заняли вороны, а дворники с ними бороться не хотят. Дебил. Кстати... А девушку с широко смотрящими на мир глазами он в сортире кафе «Верблюды» отполировал?

– Об интимной жизни рижских туалетов я не осведомлен, Рома. И я прошу... давай начнем писать про лососей.

В кабинет вошла редакционный секретарь Зоя – высокая, статная шатенка с короткой стрижкой. Бывшая манекенщица «Ригас Модес», сказавшая «нет» легкому поведению и алкогольным коктейлям. Их роман с Хузиным, состоящий из сплошных разрывов, с интересом и потаенным злорадством обсуждала вся редакция. Последняя размолвка обернулась скандалом. Рома остался ночевать у возлюбленной. Вечернее пиво повело атаку на дамбы организма к восьми утра. Выйдя из туалета, Хузин увидел перед собой вялую пожилую женщину в бигудях – у Зои гостила бабушка из Ленинграда. Труссы Романа остались в спальне; создавая интим, они затемняли абажур торшера. Прикрывать срамное место ладонями Хузин не стал. Открытый человек... Вытянув руки по швам, он кивнул головой в приветливой улыбке:

– Вы так похожи на сестру милосердия... В ваших глазах любовь, сострадание ко всему миру и нежность. Доброе утро, сестра.

– А вы похожи на великовозрастного идиота. Тоже мне, Распутин, – хмыкнула пережившая блокаду бабушка Зои.

Войдя в кабинет, Зоя поморщилась, демонстративно помахав перед носом ладошкой. Пожелтевшие лопасти крутящегося под потолком вентилятора лениво смешивали запах сигаретного дыма с флюидами перегара. Андрей резво наворачивал ушную серу на колпачок авторучки. В открытое окно рвался гудок прогулочного кораблика, слышались крики чаек.

– Зоюшка! – воскликнул Рома. – А я как раз к тебе идти и хотел. Мы статью новую пишем, Зоюшка. Статья о мощнейшем прорыве в области размножения рыб семейства лососевых. И я хотел у тебя совета испросить. Ты ведь для меня и муза, и главный критик. Только что я в муках закончил писать вступление. Как тебе такой вариант? – Придав лицу серьезное выражение, Рома сощурил глаза. Вытянутая ладонь взметнулась к потолку:

У лосей сосет лосось,
У лосося лоси,
Под сосной сосет Евсей
У грудастой Зоси!

Оцени, милая!

– Очередной пошлый намек на меня, Ром? Я про грудастую Зою.

– А при чем тут ты? У тебя же нет сына. Грудь красивая есть, а сына пока нет. Но он будет! И вполне возможно, что от меня. Маленький, розовожопый шалун с медовыми мозгами и светлым, как твоя кофточка, будущим. Светлым, как твои помыслы и желания, Зоюшка.

– Рома, если ты не паясничаешь, то «белая» уже рядышком. Я без шуток, Ром. Зоси, сосущие Евсеи, розовожопые младенцы с медовыми мозгами. Ты же свои полушария сушишь, Ромочка. И юмор твой засыхает вместе с ними.

– Зоя, я все объясню! Евсей – это сын польской колхозницы Зоси Пшебздецкой. Труженицы села и передовицы во всех остальных начинаниях. Устав после сенокоса, Зося присела под сосной. С тоскою селянки, радостями обделенной, посмотрела в небеса и вспомнила красавца-комбайнера... Вспомнила она Прокопия, отца Евсеюшки, который трагически погиб, тщетно стараясь затушить телогрейкой пшеничную ниву, которую подпалили враги советской коллективизации. Утерев слезу, достала она свою мясистую грудь о сосках размером с лупу филателиста. Посмотрела на выглядывающее из пеленок сморщенное, багровое личико первенца... И начала с молоком отдавать Евсею все лучшее, что в душе ее израненной осталось. Такая вот грустная история, уместившаяся в написанное мною четверостишие. А ты говоришь «белая горячка». Это жизнь, Зоюшка.

– Хорошо у тебя, Рома, с фантазией. Комбайнер телогрейкой поле затушить пытается. Сено Зося косит не в поле, а в сосновом бору. А каковы метафоры! Соски размером с лупу филателиста. Сравнил бы еще с цветом «докторской колбасы». Ты деградируешь, Хузин.

– Нисколько, радость моя! И почему в бору? В поле она его косила. Поле, а на его краю одинокая сосна, – мечтательно произнес Роман и запел: – Во поле сосенка стояла, во поле мохнатая стояла, Зося своей тенью прикрывала, а она Евсею грудь давала...

– Рома, если у меня сын и родится, я его как угодно назову. Хоть Евсеем, хоть Порфирием. Любым анахронистическим именем нареку. Но только не Романом. А родится он не от тебя. Я, может, и дура, Хузин, но уж точно не враг себе и своему будущему ребенку. И зашла я не для того, чтобы твой горячечный бред выслушивать. Пришел очередной поклонник вашего бессмертного творчества. Стыдно, конечно, в эту симфонию запахов приглашать, но больно уж товарищ настойчив.

– Зоя, а может, не надо, а? – с мольбой вступил в разговор Марьин. – Ты же знаешь, что к нам ходят люди, далекие от нормальных психических кондиций. Люди, которым всегда хорошо, радостно и беззаботно. А нам сейчас плохо, Зоя... Давай ты скажешь, что мы на задании. Скажешь, что нас просто нет.

– А я уже сказала, что вы есть!!! – со злостью выговорила девушка. – Мне кажется, вы всегда есть! Даже когда пьяными шляетесь по бл. дям, отработывая легенду – «важное редакционное задание»!

Гость хозяевам кабинета не понравился. Серое, гладковыбритое, невыразительное лицо. Русые волосы тщательно умащены лаком. Наряжен по модному в среде фарцовщиков стандарту. Кипенно-белая тенниска с маленьким зеленым крокодилчиком. Новенькие джинсы, бежевые мокасины «Salamander». В ряды «пациентов» или «хомо долбо. бикусов», как их называл Рома, незнакомец не вписывался. Обычно к ним приходили рационализаторы, знахари, медиумы. Многие стояли на учете в психоневрологических лечебницах. Изобретатели шестиколесных инвалидок для слепых, хранители секрета по изготовлению «настойки вечного добра», потомки Циолковского и Мессинга. Все эти люди у Романа с Андреем уже побывали. Один принес кассету Жанны Бичевской, бутылку водки и карту с черными крестиками. Рома подумал, что крестики обозначают заброшенные кладбища. Оказалось, сокровища ордена тамплиеров. После матерных переливов Андрея читатель кассету дарить передумал. Бутылку водки за время разговора успели ополовинить.

– Здравствуйте! Меня зовут Гвидо Шнапсте, – бодро представился гость.

– Еще раз. Как, простите, вас зовут? – переспросил Рома.

– Шнапсте... Гвидо Шнапсте, – повторил фальцетом вошедший.

Говорил он без акцента. Скорее всего, закончил русскую школу.

– Прямо как Кузьма Петров-Водкин, – вставил похмельный Андрей.

– Ну да. Может быть, – замялся далекий от живописи Гвидо. – А я к вам, собственно, с предложением.

– Будем искать чашу Грааля? Или делать из нефти и танков сыр и колбасу? – громко спросил Хузин.

– А зачем делать из нефти и танков колбасу?

– А затем, что нефти и танков много, а колбасы и сыра нет. Ладно, давайте к вашему предложению, товарищ Шнапсте.

– Для начала хочу сказать, что просто зачитываюсь вашими материалами.

– Иногда, забыв про скромность, мы и сами собой восхищаемся, – усмехнулся Рома.

– Нет, правда. В статьях действительно много свежего, нового, рационального. Огромное вам за это спасибо! Здорово пишете, интересно! Но я хочу предложить тему, которая сделает раздел еще более популярным. Расширит, так сказать, его рамки. Может быть, она покажется вам несколько странной, но, на мой взгляд, принесет безусловную пользу. Тем более что времена сейчас другие. Гласность, свобода слова.

– Вы изобретатель? – поинтересовался Андрей.

– Нет, не изобретатель. Я работник общепита – простой официант.

– Официант тоже своего рода изобретатель. Искусство объегоривания клиентов с каждым годом все совершеннее, – пошел на обострение Рома.

– У каждого свой хлеб, – не растерялся Шнапсте.

– И у кого-то он с икрой рыб семейства лососевых, – промолвил Андрей.

Марьин покачал головой. Так вот откуда фирменное шмотье, запах дорогого одеколona и укладка, сделанная в фирменном салоне «Рижанин».

– И чем хотите порадовать? Чем хотите удивить читателя, товарищ Шнапсте? – спросил Хузин.

– Знаете ли, тема очень и очень деликатная. Можно сказать, интимная сфера нашей жизни.

– Влияние солнечного света на половую активность? Как использовать презерватив в домашнем хозяйстве? Вред половых контактов с инопланетянами и полевыми вредителями?

– Шутник вы, товарищ Хузин. Нет-нет. Несколько другое. Сейчас вкратце постараюсь изложить. Знакомый моряк, будучи в Роттердаме, купил журнал на английском языке. Журнал, надо сказать, достаточно фривольного содержания.

– Голландские женщины, с бесстыдством обнажающие тела перед объективами фотоаппаратов за сомнительные блага, – входил в роль Хузин. – Потерявшие стыд гомосексуалисты, затянутые в кожу и ошейники?

– Ну... не только. Кроме фотографий обнаженных женщин, есть и материалы, касающиеся отношений полов, а также сексуального здоровья.

– Ясно. Рассказы порнографического содержания, отталкивающие своей натуралистичностью. Глянцевая мерзость капиталистического общества.

– Нет, не рассказы. Статья. Очень занимательная статья. Ее автор ведет речь о новейших препаратах, потребление которых помогает значительно увеличить мужской половой орган. Причем и в длине, и в диаметре. Автор пишет о проблеме многих и многих представителей сильного пола. Стыд, комплексы... Как следствие – душевные травмы. Но ваш коллега пишет не только о лекарствах. Он рассказывает и о различных методах, при помощи которых можно достичь хороших результатов. Это и гимнастика члена с утяжелениями, и массаж при помощи...

– Гимнастика и массаж полового члена?! Вы идиот? Вы нас под статью хотите подвести, товарищ Шнапсте?! – резко оборвал речь гостя Хузин. – Желаете насрать на наши головы страшную кару? Печатный орган латвийского комсомола должен разместить материал об увеличении органа полового?! Рядом с трудами наших коллег об ударниках социалистического соревнования, достижениях промышленных предприятий, колхозов и совхозов?! Наш голландский коллега... Не нужно записывать в наши коллеги сексуально озабоченных

извращенцев! Может, еще сопроводить статью двумя фотографиями с подписью: «Найдите пять отличий» или «До и после»? Вы, вообще, думаете, о чем говорите, товарищ Шнапсте?!

– Конечно! Конечно же, думаю, – не отступал гость. – Я думаю, и в нашей стране есть такие же методы. При нашем-то уровне медицины. Да и времена сейчас потеплее. Многие темы выходят из-под запрета.

– Наши медики заботятся о здоровье советских граждан, а не об удлинении и утолщении х. ев... Прошу прощения. Конечно же, половых органов.

– Роман, ну зачем вы так грубо? Все же, я думаю, и наши ученые такими проблемами занимаются. А может, и средства народной медицины помогают. Отвары, настойки на травяных сборах. Вы же знаете, что в Риге работает чуть ли не единственная в Союзе гомеопатическая аптека. Моя бабушка там часто травки покупает.

– Колдунья? Ворожит?

– Нет. Хворает часто.

– Здесь не уголок знахаря, товарищ Шнапсте! И советским мужчинам не требуются манипуляции по увеличению членов ц... – Хузин чуть не ляпнул «ЦК КПСС». – У нас в стране прекрасная рождаемость! Наши жены счастливы и удовлетворены во всех отношениях: и морально, и физически. Это там... это у них проблемы с детородными органами. Поэтому на лицах женщин из капиталистических стран так редко можно видеть улыбку. Сравните их с лицами наших африканских подруг. То есть друзей, конечно. И вы все поймете.

Лицо Шнапсте сделалось испуганным. В ресторане он был на хорошем счету. Регулярно заносил конверты директору. Дорогие проститутки готовы были отдаться ему за табличку «зарезервировано». У него всегда находились контрамарки на хоккей, дефицитные продукты и билеты в театр. А сигнал сознательных комсомольцев может стать роковым. Люди ведь при покупке презерватива румянцем стыда исходят. «Трихопол» просят отпустить с закрытыми глазами и дрожью в коленях. А предложение написать об удлинении полового члена можно считать высшим проявлением глупости.

Хузин еще раз внимательно посмотрел на гостя. Подумал, что на провокатора Гвидо похож мало. Да и смысл в такой провокации? Комитетчик? Там есть не лишённые чувства юмора люди, но им такая клоунада ни к черту. Менты столь изощренными методами не работают, да и не их это пространство. Скорее, у самого Шнапсте не больше двенадцати сантиметров. Для официанта это унижительно. Возможностей переспать после смены – больше, чем обсчитанных клиентов. И вот снимает он тенниску с крокодилом, стягивает джинсы «Wrangler», трусы из валютника «Березка»... А там какие-то жалкие миллиметры. Будучи авантюристом, Рома пошел ва-банк:

– Гвидо, не стоит так переживать. Ну да... может, я был слишком резок. Но и вы хороши! Такое предложить, а! Труд журналиста нелегок, Гвидо. Мы же, как на минном поле. Не зря нас называют «саперы газетных полос», – увлеченно врал Хузин. – Неверный шаг – и тут же прогремит идеологический взрыв. Каждое слово должно быть выверено. Ведь бои на невидимом фронте идут круглые сутки. Они жестоки и порой непредсказуемы.

– Да-да... Конечно же, я вас понимаю. Мы ведь тоже как саперы. Проверки из общепита, товарищи из ОБХСС. Каждая смена как последняя. Идешь к столику с подносом, а под ногами словно канат натянут. Иногда моряки могут физические увечья нанести. Я уже не говорю о хоккеистах. Такое впечатление, что у них сотрясений мозга больше, чем у боксеров.

– Ну вот видите! В чем-то наши профессии схожи. Значит, и вы саперы. Саперы счетов и подносов. А это напряжение. Адское, сумасшедшее напряжение. Сегодня разносишь еду, а завтра получаешь ее через узенькое окошко железной двери. – На этих словах Гвидо еле заметно дернулся. – Но к делу. Гвидо, а можно я задам вам один не совсем скромный вопрос? Отвечать на него или нет – дело ваше. На отказ я не обижусь.

– Задавайте, конечно.

– А вот вы, Гвидо... Вы бы хотели, скажем так, несколько модернизировать свой половой орган?

Хузин демонстративно помял ладонью брюки в области паха.

– А вы, товарищ Хузин? – напрягся Шнапсте.

– А я его уже увеличил, – тон Ромы стал заговорщическим. – И мой коллега тоже может похвастать некоторыми успехами в этой области развития человеческого организма. И это в наши-то годы. Совсем уже не юные годы.

На взгляд Гвидо Марьин отреагировал утвердительным кивком:

– Но показывать я ничего не буду. У меня в трусах не кунсткамера и не музей анатомии.

Мысли Андрея были далеки от размера халдейского пениса. Трижды произнесенная фамилия Шнапсте тянула к запотевшей рюмке.

– Шутите? – чуть ли не по слогам выговорил официант.

– Все нет. Когда дело касается здоровья человека, шутки неуместны. Просто вы чертовски везучий человек, Гвидо.

– И в чем же заключается это везение?

– Вы производите впечатление надежного и порядочного человека, Гвидо. А таких людей все меньше и меньше. Чтобы и надежный, да еще и порядочный... Давайте так. Если не секрет, у вас что линейка показывает? Только не краснейте – здесь все свои. И не забывайте, что еще совсем недавно мы с Андреем были вашими товарищами по несчастью. Ну или, скажем так, по проблеме. Знаем, как тяжело нести это малюсенькое бремя. Проведешь ночь с женщиной, а потом страдаешь... думаешь, а не симулировала ли она оргазм? Чувствовала ли магическое проникновение? Стоны удовольствия это были или разочарования? А о любви днем или при включенном свете вообще думать не приходится. А если человек еще и нудист... вы случайно не нудист, Гвидо?

– Я? Да господь с вами! Говорят, их милиция отлавливает, а потом в целях профилактики мужчин шлангами для поливки огорода по гениталиям бьет.

– Да, нудизм в нашей стране – это забава для людей отважных и рискованных... А мужской плотью не увлекаетесь?

– Господь с вами! Только женщины.

– Хорошо... Так сколько там у нас по шкале обычной линейки?

– Мне даже неудобно сказать. Десять... десять сантиметров, – выдавил из себя побледневший Шнапсте.

– Давно последний раз измеряли?

– Бросил это занятие как бесполезное.

– И при помощи чего замеры производили?

– Портняжный метр использовал.

– М-да... Обидно, наверное, портняжному метру.

– Мне и самому обидно. Хочется, чтобы все было иначе.

– Многим хочется. Но не всем дано привести свой агрегат к впечатляющим формам, – прицокнул языком Хузин. – Вот что, Гвидо. Сегодня вечером я свяжусь со своим близким знакомым. Он работает на одном из флагманов советской фармацевтики. На нашей гордости – заводе «Олайнфарм». Постараемся начать операцию по решению вашей проблемы.

– И когда можно будет узнать об исходе этой операции?

– Позвоните завтра. Часов в одиннадцать-двенадцать. Полагаю, нам удастся быть вам полезными.

Редакцию Гвидо покидал в приподнятом настроении. У Марьина оно, наоборот, ухудшилось.

– Рома, что ты удумал?

- Завтра увидишь.
- Какой препарат?! Какой знакомый с «Олайнфарма»?
- Какой-какой... Артис Пабрикс.
- Ты что, совсем охерел, Рома? Артису уже три месяца как срок впаяли. За кражу спирта в особо крупных.
- Знаю, Андрюш. Но мы ведь помним его вкусный спирт. И его тоже помним. И жаль... очень жаль, что в этой стране особо крупным размером считается сотня-другая литров.
- Рома, а с хоккеем сегодня что?
- А на хоккей мы идем. Миша Абалмасов две контрамарки вынесет.

За неделю до появления в редакции Шнапсте Рома с Андреем получили редакционное задание. Институт рыбного хозяйства Латвии запатентовал новое изобретение: эксперименты показали, что при инъекциях гормона гонадотропин самки лосося активнее мечут икру. На ассортименте рижских гастрономов открытие не отразилось. Народ и кошки налегли на кильку и хек. По четвергам столовые теряли клиентуру – четверг был рыбным днем. С ужасающим амбре и гастроэнтерологическими последствиями. Марьину с Хузиным поручили съездить в НИИ и донести до читателей о достижениях латвийских рыбопромышленников.

В помещениях института пахло хлоркой и рыбой. На стеллажах покоились разнокалиберные колбы с заспиртованными карасями, плотвой, лососем и другими обитателями водоемов. Две женщины неопределенных лет в белых халатах сутулились над микроскопами, портя зрение и усугубляя остеохондроз. Пучеглазый седой латыш, смахивающий на хворого филина, вел рассказ о жизни костных и хрящевых. По его логике, без советской власти чешуйчатые бы давно вымерли. Думал он, естественно, по-другому. Хузин задавал вопросы с намеками. Сколько тонн лососевого мяса выуживают в питомниках? Сколько красной икры в среднем потребляет житель Латвии за год? Специалист опытов над хордовыми делал вид, что не слышит. Прозвучи вопрос о количестве хека на душу населения, ответ последовал бы незамедлительно. Расчет получить в подарок пару баночек икры не оправдался. Марьин впал в легкое расстройство. На фабрике «Лайма» их задаривали конфетами и марципанами. Завод «Страуме» презентовал кофемолки, миксер и «Мешок смеха». С ликеро-водочного журнаlists торжественно выносили. Труженицы колхозов и совхозов безропотно и страстно отдавались. У Андрея был даже секс в коровнике. Но Институт рыбного хозяйства на них пошло сэкономил.

Однако без подарка друзья не остались. Закончив рассказ, научный сотрудник с улыбкой презентовал гостям пробирку с гонадотропином – жидкостью охристого цвета. На выходе из учреждения Хузин запел:

- Оранжевое солнце, оранжевое небо и в жопу лососихе оранжевый укол. Скупердяи!
- Да... еще то жлобье, – возмутился Андрей. – Могли бы авангард журналистики и порадовать. Опять кильку под «беленькую» жрать придется.
- Главное, Андрюха, что мы еще сами до «беленькой» не ужрались. А то скакали бы по редакции, как Сашка Брылин, и орали, что Анжела и Господь искололи вилами всю спину.
- Кстати... А кто такая Анжела?
- Собака его. Карликовый пинчер.

Рижское «Динамо» завершало сезон товарищеской игрой. Лишние билеты на матчи команды начинали спрашивать еще у «Детского мира», за целую остановку от ледовой арены. Люди со связями доставали абонементы на целый сезон. Те, у кого были знакомые хоккеисты, разживались контрамарками. Куда пропадали остальные квитки на сидячие места, иногда было загадкой даже для спекулянтов. В кассах можно было купить только

корешки на галерку. Рома водил дружбу с нападающим динамовцев Мишей Абалмасовым и проблем с посещением матчей не испытывал. Походы на игру для многих болельщиков стали ритуалом. В перерывы из дворца выбегали толпы мужчин и неслись к бару «Видземе», который прозвали «мышеловкой» за огромный брендмауэр над входом в заведение. На нем была изображена деревянная мышеловка, прихлопнувшая пачку «Примы», снизу на латышском и русском Минздрав предупреждал о вреде курения. Для барменов и официантов дни большого хоккея были самыми урожайными. Напоесть за 15 минут целую ораву болельщиков обслуге было не под силу, но выход нашелся. На длинной стойке в несколько этажей выстраивались подносы с «отверткой» и «кровавой Мэри». Скорость обслуживания возросла в разы. Некоторые за перерыв успевали опустошить по три стакана с коктейлями. Все было основано на честности клиентуры.

После первой двадцатиминутки рижане вели 2:0. В «мышеловке» было шумно и накурено. Рома встретил бывшего одноклассника, Зимина, по кличке Юра Данхил. Бросив университет, Юрий подался в фарцовщики. Специализировался он на сигаретах и шмотье.

– Что такой грустный, Юрок?

– С партией джинсов попал. Все труды за долгие месяцы попросту сгорели.

– И как ты с твоим опытом умудрился?

– Да Алик, портной, подставил, сучара. Мне барыга из Пскова заказал сто пар «Монтаны» оригинальной. А у Алика, сам же знаешь, – и материал из Голландии мореманы прут, и фурнитура классная на ВЭФе клепаются. Тот же оригинал, но местного пошива. Не курил бы он еще «план», как простые сигареты...

– Девки у него строчат отменные, я слышал.

– Ага. Вот и дострочились. Взял я у него джинсу, рассчитался. Приехал этот скобарь за товаром. Начал проверять. Все отлично! И молнии, и заклепки, и лэйблы. И вдруг видит, блд, на одной паре карманы совершенно разные. На левом монтановская «М» выстрочена, а на правом – вранглеровское дабл ю.

– Сказал бы, что заводской брак.

– Я так и сказал. Но когда он увидел нашивку «Вранглер» с двумя «М» на карманах...

– Так пусть Алик перешьет, и отдашь в розницу у «часов мира».

– Уже не отдам. Слава Ковин забрал штаны на реализацию. А через два дня забрали Славу. С джинсами, проституткой Ларой и ящиком сигарет. Сигареты были тоже мои. Итого, у меня восемь тысяч семьсот рублей чистого убытка. Главное теперь, чтобы Славик молчал.

– Да будет молчать твой Славик. Чтобы группу не пришили. Юрка, слушай. А ты вот как думаешь? Есть в нашей державе препараты, увеличивающие размер полового члена?

– Тебе-то зачем? Недавно с Юлькой Брандт и Оксанкой Лемешевой разврат устроили. Ох и нахваливали они тебя, Ромыч. Говорят, вот это конь! Вот это мустанг-иноходец!

– А с чего это их на приятные воспоминания потянуло?

– У меня на журнальном столике газета лежала с твоей статьей. Я и говорю, мол, вот он! Дружбан мой. Известным и уважаемым человеком стал.

– Понятно. Эти две голубки, значит, по-прежнему дуэтом гарцуют. А потом хнычут, что их замуж никто не берет. Юр, так есть препараты, о которых я спрашивал?

– За бугром, наверное, есть. Может, и партийным «шишкам» нашим тоже «шишки» увеличивают. Но я про такие лекарства не слыхал. Конский возбудитель могу достать, если что.

– Этого счастья мне пока не надо. Юрка, пошустри по своим. Телефон мой есть.

Шнапсте позвонил в четверть первого. Рома исполненным важности голосом сообщил Гвидо, что того с нетерпением ждут. Официанта он решил удивить с порога. Подойдя

к шкафу, медленно открыл дверцы. Подобно факиру, подмигнул Гвидо. На ладони, словно магический жезл, заблестала пробирка. Содержимое стекляшки было цвета светлой охры.

– Вот оно – спасение! Топливо для полета в космос плотских утех! Зависть Эмиля Кио и знахарей-шарлатанов. Заряд для извлечения алмазов из глубоких карьеров желаний! – сыпал метафорами Рома. – И это не изобретение западных эскулапов, нет! Новейшая разработка советских врачей. Эффект сумасшедший! Даже бездушная линейка порадует столь значимым изменением. А если линейка для младших классов, то ее может и вовсе не хватить. Препарат «Барадализон-7», дружище Гвидо. Прорыв вселенской медицины! Возможно, авторов выдвинут на одну из премий в области советской науки. Применяется внутримышечно. То есть посредством обыкновенных уколов. Ощутимый результат уже через месяц.

Марьян почувствовал, что после услышанного сердце гостя стало биться учащенной.

– Фантастика! Я же говорил! – возрадовался Шнапсте. – Говорил, что наши ученые намного сильнее своих коллег из стран Запада. А ощутимый результат – это примерно сколько?

– Ну... Сантиметров пять как минимум. А это много, Гвидо. Поверьте, очень и очень много. Взгляните сами, – Хузин показал на рисках линейки. – Но все зависит от особенностей человеческого организма. А также от питания, соблюдения режима и духовного состояния. Андрюш, на сколько делений твой прибор вытянулся?

– Четыре сантиметра и два миллиметра, – сквозь зубы процедил Андрей. – Но я уже давно не измерял.

Реклама заставила Шнапсте возбудиться еще больше:

– Вот и не верь после этого в судьбу! Не зайди я вчера к вам, так бы всю жизнь и промучился. Но в аптеках он, естественно, не продается?

– Гвидо... «Барадализон-7» в аптеках – это как балык и «Посольская» в сельпо.

– А почему «Барадализон» идет под номером семь? – любопытствовал официант.

– Есть три вида инъекции. Идут не под номерами, а под специальными кодами. Под кодом «три» выпускается препарат для незначительного удлинения органа. Соответственно, под кодом «пять» более действенное лекарство. «Барадализон-7» – самый мощный элемент в этой линейке препаратов. А вы говорите, аптеки... Аптеки у нас для продажи валидола, напалечников, бинтов и пиваков.

– Роман, во сколько мне обойдется чудо-лекарство? – Голос Шнапсте дрожал.

– Препарат пользуется успехом у людей далеко не простых. Вы, наверное, понимаете, о чем я. Так вот, учитывая этот фактор и фактор тотального дефицита, цена волшебного курса инъекций – пятьсот рублей.

– Полтысячи?! Это же почти по сто рублей за сантиметр! – воскликнул Гвидо.

– Хорошо считаете. Именно полтысячи. Такая вот арифметика затормозившей в развитии плоти. И не нужно так бурно реагировать на цифры. Лучше подумайте, сколько удовольствия и новых приключений принесут вам эти драгоценные сантиметры. Вы идете по пляжу. Гордо поднятая голова, обтягивающие плавки, а из них рвется на свободу настоящий Геракл. А взгляды! Сотни восхищенных взоров, огоньки желаний, штабеля загорелой похоти!

Гвидо включил внутренний калькулятор. Сколько человек и за какое время нужно обчитать. Сколько придется умыкнуть продуктов. Но решение было уже принято. Шнапсте отправился домой за деньгами.

Андрей не ошибся в своих предположениях. Ему были не чужды авантюры, но эта выходка Хузина в авантюрные рамки Марьяна не вписывалась. У него жена, маленькая дочка Машенька. А Рома ликовал:

– Наш тандем выходит на коммерческий уровень, Андрюша! И среди «хомо долбо бикусов» есть достойные уважения экземпляры! Главное, чтобы он внушил себе, что может. Сила внушения – великое дело. Смотришь – и вправду бубука подрастет. Вспомни историю

с Владиным. Внушил себе, что хочет дачу в Юрмале. Он просто бредил этой дачей. Она ему во снах являлась. Не прошло и месяца, как преставилась его бабуля. И дачу отписала не на сестру Владина Жанну, а именно на него. Не на порядочную женщину, а на выжигу, пьяницу и разгильдяя.

– Но весь антиквариат, который потянет на три таких дачи, она отписала на порядочную сестру Жанну. Рома... ты всерьез хочешь двинуть ему гонадотропин? Ты что, идиот, бл. дь?! – заорал Андрей. – А если этот ресторанный модник помрет? Нам пришьют убийство. Ты когда-нибудь представлял себя под расстрельной статьей? В роли убийцы ты себя видел, Рома? Ты же истребишь этого несчастного латыша! Рома, давай-ка сотри из своих мозгов эту гнусную идею. Так же как вчера стер убитую муху со лба этого упыря, – кивнул Андрей в сторону бюста. – Приедет с деньгами, а мы скажем, что перепутали сегодняшний день с первым апреля.

– Андрюша, прекращай. Рыбы такие же люди, как и мы. Только с жабрами и чешуей. Еще они говорить не могут и лучше плавают. Гвидо не умрет. Максимум – превратится в Ихтиандра. Его внешности очень подойдут плавники и жабры. Выпустим парня в Рижский залив. Будем ездить в Юрмалу и подкармливать наряду с чайками и воронами.

– Но ты же помнишь, что сказал нам дедок в институте! Он сказал, что лосось нерестится один раз в жизни. Тело принимает уродливые формы. Рыба исходит пятнами и чуть ли не живьем разлагается. А потом она в тяжелых муках отдает душу Нептуну.

– Кому она душу отдает?! Нептуну?! Андрюш, сходи в буфет. Сходи и опохмелись... Какая связь между нерестом лосося и Гвидо? И потом, с гонадотропином или без него, но лосось все равно умирает после первого и последнего нереста. Но если посмотреть с другого ракурса... Гвидо, несомненно, «лосось». Жирный, доверчивый «лосось», втянутый в серьезный научный эксперимент. Можно сказать, человек, добровольно отдающий себя жерновом современной науки. И этот финансовый нерест ни в коем случае не должен стать для него последним.

– Рома, ты моральный урод! И славно, что ты после школы не пошел в медицинский.

Шнапсте появился в редакции через час. За это время Хузин успел сбегать в медпункт и спросить у медсестры Оли, сколько кубиков уместится в пробирку. Вспомнив грубое соитие с нетрезвым Романом, та ответила, что кубиков в пробирке больше, чем у Хузина любви и уважения к женщинам. Потеплев, назвала цифру. Рома в уме поделил жидкость на четыре недели.

– Гвидо, вы нравитесь нам еще больше. Наверняка в ресторации вами гордятся так же, как фирменными котлетами с грибами!

– Спасибо, Роман. Жарища на улице невероятная. После вас сразу на пляж мотану. Обмою удачу холодным пивком со сетками.

– На пляж, Гвидо, – по результату.

Оглянувшись по сторонам, Шнапсте протянул деньги. Обычные повадки валютчика – для многих официантов это было второй профессией.

– Касательно пива. Боюсь, про пиво придется на месяцок забыть. Как и про все горячительные напитки. – Рома протянул Шнапсте пробирку и ловко определил купюры в брючный карман. – Теперь краткий инструктаж по применению снадобья. Колотья нужно два раза в неделю. Но ни в коем случае не чаще. Спешка может навредить. Главное – терпение и выдержка.

– Могут быть осложнения? – поинтересовался Гвидо.

– Осложнения вряд ли будут, но желаемый результат может оказаться под угрозой. Вместо прироста в пять – семь сантиметров вытянется на три с хвостиком. Максимум на четыре.